

ОБСУЖДАЕМ ОБЩЕСТВО

УДК 316

ПУСТЫЕ ДУШИ – ЗИЯНИЕ, КОТОРОЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЗАПОЛНЕНО*

М. Фредгольм

Департамент Южно- и Среднеазиатских исследований, Стокгольмский университет, Швеция

michael.fredholm@hotmail.com

Зачем? Ну, мне надо было заполнить пустоту в своей душе.

*Обращенный в ислам американец,
представитель Аль-Каиды
Адам Гадан (р. 1978)***

Живые слова не только воплощают зло, они заражают душу злом.

Федон, Платон (428-348 BC)

Современный джихадист часто живет на Западе, возможно вторым поколением эмигрантов или как обращенный, или в другой светской общине где-нибудь в постсоветской Средней Азии. Чаще всего он не знаком с арабским и не является мусульманином. Для него религия и идеология – скорее оправдание задним числом легитимности агрессивных действий и эффект джихадизма, а не его причина. Для тех, кто хочет действовать, возмущение по поводу ощущаемой несправедливости и желание вступить в вооруженный джихад часто предшествуют идеологии и религии.

Ключевые слова: контекст, контркультура, терроризм, джихадизм, программы дерадикализации.

Нет единой причины, порождающей терроризм, и множество путей может заставить человека вести жизнь террориста. Некоторые обращаются к терроризму потому, что получили глубокие душевные травмы на войне и жаждут мести, или потому, что присоединение к террористической организации предлагает лучшие социальные и экономические перспективы чем другие варианты; хотя такие люди, как правило, по-

падают в партизанские движения, а не в террористические организации. В редких случаях люди ввязываются в террор из-за идеологии или для того, чтобы достичь определенных политических целей, но их явное меньшинство. Данная работа не будет рассматривать эти причины, побудившие людей совершать террористические акты.

Наша цель состоит в выявлении и понимании иной, наиболее часто встречаю-

* Перевод с англ.: О.А. Донских, Г.О. Донских.

** Gadahn Yahiyeh Adam. Yahiyeh Adam Gadahn's Conversion Story. (Islamic Network, www.islamicnetwork.com, 7 March 2010).

шейся группы террористов. Он, или иногда она, часто живет на Западе, возможно как эмигрант второго поколения или как обращенный в суннитский ислам, или же живет в другой неоднородной среде, такой как постсоветская Средняя Азия. Скорее всего, он плохо знает арабский и не является мусульманином. Он не участвовал в вооруженных конфликтах и не получал травм на войне, не является бедняком или отлученным от общества и не интересуется идеологией, по крайней мере до того, как он решает посвятить свою жизнь террору. Говоря в общем, наша цель состоит в изучении духовного состояния современного суннита – исламского экстремиста, который обратился к террору. Последнее является определяющим. Экстремистские религиозные идеи не всегда реализуются в политических акциях; даже если это происходит, обращение к методам террора – далеко не единственный путь осуществления цели. Пока человек с такими религиозными идеями сидит дома, размышляя о высшем, его мнения, какими бы крайними они ни были, являются теологией, а не политическими актами, которые влияют на общество, в котором он живет, и на его непосредственное окружение¹.

¹ Определение исламского экстремизма, принятое нами, было предложено Советом муфтиев (исламских религиозных лидеров) России 30 июня 2000 года: «Совет муфтиев России осуждает все виды экстремизма и терроризма, в том числе и в форме так называемого «ваххабизма», которые содержат в себе следующие признаки: 1) отрицание основополагающих традиций Ислама, то есть четырех исторически сложившихся мазхабов или шиизма; 2) учение о собственной исключительности вплоть до наделения себя самих правом объявлять «немусульманами» традиционных верующих, не согласных с такой трактовкой шариата, в том числе последователей любого из четырех суннитских мазхабов или шиизма; 3) наделения себя правом по собственному усмотрению ущемлять в правах или убивать вне рамок необходимой самообороны «неверных», в том числе и традици-

Но если экстремист начинает проповедовать ненависть, подстрекает других на агрессивные действия или же сам хватается за оружие или жилет смертника, то его вера превращается в политический акт. Тогда его цель становится исламским терроризмом, т. е. джихадом².

Но даже и в этом случае не религия и не идеология формируют ключ к пониманию такого типа террора. Сама по себе идеология, как правило, не достаточна для того, чтобы вдохновить человека на участие в терроре³. Для действия террориста такого типа идеология не является причиной или предпосылкой. Ее функция уходит на второй план или же вообще отпадает. Идеология в основном используется как оправдание действий уже после совершения агрессивных актов.

Но когда человек уже принял решение стать террористом, идеология может предоставить массу вдохновения. Глобализа-

онных мусульман, не примкнувших к данной организации...» (Электронный ресурс: <http://www.muslim.ru/1/cont/8/15/99.htm>; см. также: Michael Fredholm, *Islamic Extremism as a Political Force in Central Asia: A Comparative Study of Central Asian Extremist Movements* (Stockholm: Stockholm University, Asian Cultures and Modernity 12, 2006).

² Исламский терроризм определяется здесь как терроризм, вышедший из радикальной политической идеологии, в основе которой лежит убеждение, что ислам – это единственное решение всех общественных проблем. Эта идеология, исламизм, тесно связана с суннитским исламским экстремизмом. Разумеется, далеко не все исламисты склонны к насилию. Тем не менее многие из них выбирают путь, который может быть обозначен как исламский джихад. Когда джихад становится опорой исламизма, мы будем называть его джихадизмом, чтобы отличить эту активность от исламской теологической концепции джихада.

³ Christianne J. de Poot, Anne Sonnenschein, et al. *Jihadi Terrorism in the Netherlands: A Description Based on Closed Criminal Investigations* (The Hague: WODC, 2011).

ция сыграла свою роль в возможности получить вдохновение в любой точке мира. С 2010 года главной целью англоязычной онлайн-публикации Аль-Каиды «Вдохновляй» на Аравийском полуострове⁴ было оправдать и вдохновить западных людей, чтобы подстрекать их на террористические акты, часто в качестве независимых действующих лиц, т. е. на то, чтобы они стали джихадистами.

Религия, идеология и неопровержимость террористического сознания

Для джихадиста не существует различий между религией и идеологией. Как объяснил заключенный тюрьмы Гуантанамо, «Для меня религия и политика – одно и то же. Они не отличаются. Можно сказать, что религия является типом политической идеологии»⁵.

То же отсутствие разграничения этих понятий можно увидеть в джихадистской декларации 1999 года Узбекской террористической группы Исламского Движения Узбекистана (ИДУ). Этот текст содержал минимальное религиозное содержание, хотя написан был на арабском и подписан Зубаир ибн Абдур Рахимом, довольно ми-

⁴ Следует иметь в виду, что Аль-Каида на Аравийском полуострове – это самостоятельная организация, базирующаяся на территории Саудовской Аравии и Йемена.

⁵ Прочитанный узник Гуантанамо – Слимман Хадж Абдеррахман, датский гражданин алжирского происхождения, который принял участие в джихаде в Алжире и Афганистане – Ann-Sophie Hemmingsen. См.: *The Attractions of Jihadism: An Identity Approach to Three Danish Terrorism Cases and the Gallery of Characters around Them* (Dissertation, University of Copenhagen, 2008), 158; процитирован в: Hans Davidsen-Nielsen and Matias Seidelin, *Danskeren på Guantánamo: Den personlige beretning* (Copenhagen: Politiken, 2004), 27.

стической фигурой – саудовским ваххабистом узбекского происхождения и, по словам ИДУ, является наследником семьи Магнит, которая одно время правила Бухарой в современном Узбекистане. Действительно, во всем тексте Коран упоминался всего четыре раза, и из них только три были реально оправданы. Более того, единственная ссылка на Коран, которая имела какую-то связь с джихадом, была первая: «И боритесь до полного искоренения *Фитна* (раздор, расхождение в вере) и до тех пор, пока единственная вера – вера Аллаха» (*Аль Анфаль 39*). Более того, хотя декларация была подписана Зубаир ибн Абдур Рахимом, в тексте говорится о том, что джихад объявил Тохир Йолдош (1967–2009) в качестве *эмира* (лидера) группировки и что решение было принято религиозным руководством ИДУ. Текст был по сути гораздо более политическим, чем религиозным. Объявление джихада опиралось на то, что существует «неоспоримое доказательство» того, что необходим джихад против неверных, так же как и обязанность освободить мусульманские земли и их жителей. Но декларация так и не объясняет, почему это так, и в чем состоят «неоспоримые доказательства»⁶.

В 2002 году Союз исламского джихада (СИД), который основал Наджмиддин Джалолов (1972 – 2009), отделился от ИДУ. СИД был настроен на глобальный джихад и укрепил сотрудничество с Аль-Каидой. В 2004 году СИД взял на себя ответственность за серию координированных взрывов смертников в Ташкенте в американском и израильском посольствах, а также в Гене-

⁶ Michael Fredholm, “From the Ferghana Valley to Waziristan and Beyond,” *Islam, Islamism and Politics in Eurasia Report 22* (Monterey Institute for International Studies, 2010), в которых также воспроизводится объявление джихада.

ральной прокуратуре Узбекистана. Группа провозгласила намерение устроить джихад. Начало декларации было подобно декларации ИДУ 1999 года, там также повторялась цитата из Корана: «И боритесь до полного искоренения *Фитна* (раздор, расхождения в вере) и до тех пор, пока единственная вера – вера Аллаха» (*Аль Анфаль 39*). Но декларация не содержала никаких других ссылок на религиозные тексты⁷.

Отсутствие приверженности к религии или идеологии было существенным, потому что узбекские экстремистские и террористические группировки вскоре стали ключевым местом назначения для рекрутов из Европы, Турции и стран бывшего СССР. Некоторые прибыли, чтобы бороться и умереть за Афганистан и Пакистан, тогда как другие были не более чем джихадскими туристами, которые спустя некоторое время вернулись на родину. Чистая вера в справедливость идеи вместе с декларациями, усыпанными исламскими выражениями, но не содержащими религиозных идей, оказались достаточными для того, чтобы привлечь рекрутов из различных мест. Их сходство между собой заключалось лишь в незначительном запасе арабского и в атеизме, в остальном эти рекруты поначалу были совершенно различными. Групповая активность позволила рекрутам сначала стать радикалами, а потом психологически подготавливала их к борьбе и смерти друг за друга и за идею. Вооруженное сопротивление стало целью самой по себе и, возможно, перестало рассматриваться как метод создания исламского общества. Религиозная мотивация заменилась верой в справедливость собратьев, группы и идеи, и джихад перестал быть лишь одним из путей достижения цели и стал единственным путем к

спасению. Действительно, влияние ИДУ и ИСД привело к распространению общих идей, общей идеологии и главное – основной убеждений джихадистов в Средней Азии и Европе.

Для джихадистов идеология (и религия) может быть точнее определена как следствие, а не как причина джихада. Для тех, кто хочет действовать, возмущение по поводу воспринимаемой несправедливости и желание участвовать в вооруженном джихаде часто предшествуют идеологическому осознанию или идеологическому или религиозному оправданию⁸. Как будет доказано, очень малое количество людей почувствовало оскорбление или унижение, связанное с их верой. В основном люди хотят действовать от имени их униженных братьев и сестер – это несомненно является методом оправдания, а не определяющим фактором действий⁹. Вооруженный джихад также служил оправданием для экспорта наркотиков из Афганистана, что приносило прибыль узбекским группам¹⁰.

Фактически идеология являлась чем-то, что можно использовать, нежели тем, чему нужно следовать. Она не являлась причиной действий или решений. На неё просто ссылались, когда это было удобно. Если один ученик Ислама отказал в *Фатве*

⁸ Hemmingsen. Attractions of Jihadism, 170. Хеммингсен отмечает три подобных случая: Слиман Хадж Абдеррахман, Хаммад Хуршид и обращенный Эрик Брейнингер (Slimane Hadj Abderrahmane, Hammad Khurshid, Eric Breiningner). Все трое, каждый сам по себе, искали группы, которые могли их привести к вооруженному джихаду. Географическое положение джихада (Алжир, Чечня, Афганистан) не играло роли, важно было лишь участие в борьбе.

⁹ Marc Sageman. Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008).

¹⁰ Fredholm M. Указ. соч.

⁷ Ibid.

(религиозный вердикт – формальное легальное мнение или решение, основанное на традиционных последователях ислама (*улами*) по вопросам исламского права), джихадист просто пойдет к другому, пока не получит необходимое оправдание. Так, к примеру, действовали джихадисты на Северном Кавказе: когда они не получили необходимую *Фатву* от традиционного *улама* на Кавказе, они обратились к экстремистским *уламам* на Среднем Востоке¹¹.

Джихадист имеет все необходимое для дела. Веками ключевым понятием в словаре исламского модернизма было право на независимый анализ (*иджтихад*) Корана и *Сунны* (обычай или норма поведения, установления Пророка и ранних исламских общин) вместо обязательства основываться на мнениях предыдущих поколений правовых школ ислама. *Моджтахед* (полноправный приверженец *иджтихада*) отказывается быть ограниченным мнениями и постановлениями ранних толкований ислама. *Моджтахед* в действительности видит необходимость усомниться в этих мнении-

¹¹ Так, например, веб-сайт кавказского эмирата www.islamdin.com, 9 января 2010 года публикует фатву (май 2003) саудовского шейха Насира аль Фахда (р. 1968) о правовом оправдании использования оружия массового поражения против неверных. Насколько известно, ни один ученый-исламист с Кавказа никогда не оправдывал использования оружия массового поражения. Использование фатвы в этом контексте тем более интересно, что Насир аль Фахд позже отрицал это и другие фатвы в защиту насилия. Кроме того и несмотря на долгую традицию исламского учения, особенно в Дагестане, эмир кавказского эмирата Доку Умаров (р. 1964) искал поддержку на Среднем Востоке у таких религиозных учителей, как иорданский шейх Абу Махаммад Мак-Диши и сирийский шейх Абу Басир Ат-Тартуси вместо местных учителей. См., напр., *Islam, Islamism and Politics in Eurasia Report 24* (Monterey Institute for International Studies, 2010).

ях для того, чтобы вернуть ислам на путь истины, как он ее понимает и какой она должна быть¹².

Для современного джихадиста, независимо от того, насколько он знает соответствующие учения ислама, *иджтихад* является ключом к пониманию того, как он воспринимает мир. Коран, пророки, Сунна, или иные идеи и идеологии – это не то, чем он руководствуется. Существенным является индивидуальное понимание *самим* человеком этих источников знания. Это означает «что источники не определяют того, как их анализирует человек, а также их влияние на то, как он решит действовать... Факт доверия самому себе является очень привлекательным благодаря основанной на логическом круге аргументации, которая из этого следует: то, что кажется правильным для человека, правильно, потому что человек прав и имеет Аллаха на своей стороне»¹³.

По словам американского приверженца ислама и члена Аль-Каиды, Адама Гада-на (р. 1978), который в своём англоязычном обращении *Призыв к Войне* (2010) подстрекал джихадистов атаковать близкие цели и восхвалял нападение мусульманского офицера армии США Нидала Малика Хассана в ноябре 2009 года на своих собратьев-солдат: «Брат Нидал... знал, что в судный день все Уламы, Муллы, Муфтии и Имамы этого мира вместе взятые не спасли бы его от кары, если бы он пошел по их стопам и придерживался их указаний в противовес всему тому, что он знал, – в глубине души и путем честного анализа и тщатель-

¹² Michael Fredholm. *Islam and Modernity in Contemporary Central Asia: Religious Faith versus Way of Life* (Stockholm: Stockholm University, Asian Cultures and Modernity 14, 2007), 23-4.

¹³ Hemmingsen. *Attractions of Jihadism*, 230.

ного исследования – быть инструментом Аллаха»¹⁴.

Эта логика прикладного *иджихада* способна даже объяснить, почему современные орудия и инструменты, такие как Интернет и автомат, дозволены, несмотря на убеждение исламских экстремистов в том, что надо отказаться от инноваций. Джихадисты не чувствуют, что они компрометируют себя тем, что «видят себя в качестве индивидов, способных самим определять, как использовать эти инновации в хороших целях – из-за логического круга в своем мышлении»¹⁵. Или, если сформулировать это на языке ислама, потому что у них есть право на *иджихад*.

Джихадисты, у которых есть определенный уровень религиозного образования, знают и используют термин *иджихад*. Тем же, кто не знаком с арабским и у кого это религиозное образование отсутствует, объясняют, как это работает. Для террориста его или ее мнение неопровержимо. Террорист считает свои действия справедливыми, потому что террорист считает себя праведником, и, таким образом, правым.

Эмпирические данные о жизни исламских экстремистов в западных обществах

Что мы на самом деле знаем о современном исламском экстремисте в западном обществе? Существует мало исследований, и эмпирические данные довольно скудны.¹⁶

¹⁴ Adam Gadahn, A Call to Arms (As-Sahab, 7 March 2010), transcript, Public Intelligence web site (<http://publicintelligence.net>), 17 March 2010; with link to video.

¹⁵ Hemmingsen. Указ. соч.

¹⁶ Such studies are based on actual evidence from interviews with extremists, police files, and court transcripts. Examples include Marc Sageman, *Understanding Terror Networks* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004); Edwin Bakker, *Jihadi*

Но все же некоторые данные существуют. Марк Сэджен опроверг стереотип о том, что террорист, который оправдывает свои действия исламским экстремизмом, является бедным, разгневанным и фанатично религиозным. Из 172 террористов, которых он исследовал, большинство были образованными молодыми людьми среднего класса из любящих и религиозных семей¹⁷. Они были молоды, но и не слишком молоды. Средний возраст присоединения к джихаду был 20-26 лет. Большинство эмигрировали из дома и семьи в качестве студентов, рабочих или беженцев. Еще одна большая группа состояла из граждан второго поколения из Франции, Великобритании и США¹⁸. Большинство не разлучались надолго с семьями¹⁹. Большинство были женаты и имели детей. Ни тот ни другой факт не влияли на желание пожертвовать собой и другими ради идеи²⁰. Они не страдали психическими патологиями. Не наблюдались также какие-либо эмоциональные травмы в прошлом, отсутствовала патологическая ненависть или паранойя²¹. Большинство имели профессии, но мало кто имел постоянную работу на время вступления в джихад²². Тот факт, что они временно были безработными, мог повлиять на чувство социального и психического отчуждения до вступления в джихад²³. Но ключевым фактором явля-

Terrorists in Europe: Their Characteristics and the Circumstances in Which They Joined the Jihad-An Explanatory Study (The Hague: Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2006); Hemmingsen, *Attractions of Jihadism*; and de Poot and Sonnenschein, *Jihadi Terrorism in the Netherlands*.

¹⁷ Sageman. *Understanding Terror Networks*, 96.

¹⁸ *Ibid.*, 92.

¹⁹ *Ibid.*, 95, 97.

²⁰ *Ibid.*, 78–80, 97.

²¹ *Ibid.*, 80–91, 97.

²² *Ibid.*, 94.

²³ *Ibid.*, 94, 95, 98.

лась дружба между людьми, которые потом группами друзей и родственников вступали в джихад – домашняя «группа парней», по словам Сэджмена. Из всех опрошиваемых Сэджменом около 75 процентов имели ранние связи с членами джихада или решили вступить в джихад с группой родственников и друзей²⁴.

Затем Эдвин Баккер на материале исследования 242 джихадистов в Европе подтвердил большинство наблюдений Сэджмена²⁵. Средний возраст присоединения был схожим с наблюдениями Сэджмена, средний возраст при аресте – 27 лет²⁶. Внутри каждой террористической сети большинство членов были одного возраста и многие были родственниками или друзьями²⁷. Но некоторые сети включали в себя много национальностей²⁸. В Европе, в отличие от глобального спектра, на который опирался Сэджмен, лишь несколько террористов пришли из высших социально-экономических классов. Это преимущественно отражение общего социально-экономического положения

исламских эмигрантов в Европе²⁹. Относительное число безработных было весьма высоким в сравнении со средней статистикой по странам. Это опять же отражало состояние общин мусульманских эмигрантов в Европе³⁰. На самом деле, как показали Кристианна де Поот (Christianne de Poot) и Анна Сонненшейн (Anne Sonnenschein) в своем исследовании джихадистов в Нидерландах, основываясь на 12 криминальных расследованиях, всего лишь несколько из них сумели работали постоянно и по своей профессии. Большинство членов групп часто переходили с одного места на другое, работали на рынке, торговали или жили на пособие, часто с подделанными документами. Кроме того, даже те из них, которые работали постоянно, выполняли обязанности, не требующие никакого образования³¹. Тем не менее большинство из 242 европейских джихадистов в Европе закончили среднюю школу³². Многие пришли из нерелигиозных семей. Многие были новообращенными мусульманами, некоторые, прежде нерелигиозные люди, внезапно обрели истинную веру, часть из них – после стадии алкоголизма или наркомании³³. Почти четверть из них имели криминальное прошлое еще до ареста в качестве террористов³⁴. В сравнении с теми террористами, которых изучал по миру Сэджмен, процент европейских джихадистов с психологическими патологиями был выше, но все же абсолютное число таковых оставалось небольшим³⁵.

²⁴ Ibid., 112–113, 115, 133, 135; Sageman. *Leaderless Jihad*, 66-9, 138. Сэджмен заметил, что выражение ГП (группа парней) использовалось канадской полицией для обозначения небольших групп исламистов, которые жили на пособия или совершая мелкие преступления, делили скромное жилье, и у которых не было ни работы, ни подруг (Sageman, *Understanding Terror Networks*, 101.) Многие молодых людей пособия лишили необходимости искать постоянную работу и предоставили возможность потратить все время на то, чтобы быть джихадистами. Они проводили с друзьями свободное время в безделье и скуке, восхваляя джихадизм, гуляя в Интернете и мечтая о джихаде (Sageman. *Leaderless Jihad*, 103).

²⁵ Bakker. *Jihadi Terrorists in Europe*.

²⁶ Ibid., 41.

²⁷ Ibid., 42, 52.

²⁸ Ibid., 33, 34.

²⁹ Ibid., 38.

³⁰ Ibid., 39, 42.

³¹ de Poot and Sonnenschein. *Jihadi Terrorism in the Netherlands*, 122.

³² Bakker. *Jihadi Terrorists in Europe*, 38.

³³ Ibid., 39.

³⁴ Ibid., 40.

³⁵ Ibid., 47.

В исследовании джихадистов в Нидерландах, основанном на 12 криминальных расследованиях джихадистских группировок, религия не являлась основным фактором. Идеология так же не была объединяющим фактором. На самом деле большинство джихадистов привлекало один или несколько *аспектов* джихадистской идеологии. Эти аспекты включали такие темы, как всемирная несправедливость в отношении мусульман, желание бунтовать против существующих социальных систем и необходимость в строгих правилах для чистого существования³⁶. Эти исследования снова доказывают, что в основном ощущение несправедливости, присущее джихадистам, основано, скорее, на восприятии, чем на личном опыте. Большинство людей не почувствовали какой-либо несправедливости на себе. Но они приняли идею, что несправедливо обращаются с группой, к которой они присоединились. Как и в других случаях протеста и партизанских действий, готовность действовать основывалась не на личном опыте каждого члена, а на идее того, что группа испытывает какие-то лишения. Обвиняя Запад или западную демократию во вражде с исламским миром, джихадисты имели общую цель, которая их сплотила и которая усилила чувство единства³⁷.

Контекст³⁸ и контркультура

Таким образом, мы видим что для джихадистов идеология - это не все. Их вместе держала идея: убеждение в том, что суще-

³⁶ de Poot and Sonnenschein. *Jihadi Terrorism in the Netherlands*, 16.

³⁷ *Ibid.*, 63–64, 154 with notes.

³⁸ Словом «контекст» в этой статье переведено слово, часто используемое автором – narrative. В действительности, можно говорить о нарративе, но, как представляется, слово «контекст», (иногда – «исторический контекст») верно передает основную мысль автора. – Прим. перев.

ствует всемирная борьба между добром и злом, между правдой и несправедливостью, между праведными мусульманами и их врагами. Мир в опасности, и нужны герои, чтобы поддерживать доктрину Бога. Идея борьбы была важнее любых религиозно-политических целей. Детали предполагаемого идеального исламского государства не важны. Борьба была основой, которая сближала людей разных мировоззрений и культур, а в отдельных случаях с подчас непримиримой идеологией. Борьба была идеей, благодаря которой сплотились эти люди и сформировали коллективное сознание. Они все себя видели в качестве героев в борьбе с общим врагом. Ключевой идеей была принадлежность к этой группе, и в конце концов важно, что борьба была во имя Бога, так как Бог одобрит все действия террористов³⁹. Чувство принадлежности к этой борющейся, праведной группе – контркультуре – было очень сильным. Как сказал один британский исламист, «Теперь я стал не просто *мусульманином*, как все остальные; я был лучше, превосходней»⁴⁰.

Концепция контркультуры говорит о том, что участники движения ставили себя вне рамок общественных норм и культуры. Последователи контркультуры также определяли свой образ мысли как альтернативу мнению большинства. Они создали свой характерный образ мысли и свои нормы, выражая таким образом свою культуру в специальной лексике (общая терминология, способы произношения, приветствия), одежде и поведении. Контркультура создала базу, которая позволила превра-

³⁹ *Ibid.*, 64, 152–153. See also Sageman, *Leaderless Jihad*, 32–33.

⁴⁰ Ed Husain. *The Islamist: Why I Joined Radical Islam in Britain, What I Saw Inside and Why I Left* (London: Penguin, 2007).

тить личную мотивацию в высшую цель. Она также позволила создать сети, в которых люди обретали финансовые, интеллектуальные, социальные и материальные ресурсы. Контркультура подстрекала. Она позволяла людям, многие из которых прежде принадлежали правым или левым, или криминальным контркультурам, ощутить себя нужными и получить признание в качестве врагов общества, по сути благодаря вниманию СМИ и политическому противодействию террористам, которые рассматривались в качестве серьезной угрозы⁴¹. Для идеалистов и политических активистов контркультура предлагала привлекательную альтернативу. Свергнуть демократический конституционный порядок и заменить его утопическим государством, в котором власть была бы лишь у Бога, — идея пользовалась спросом на рынке утопических идей⁴². Свержение системы было главной целью; мало кто имел свое мнение насчет утопии, и халифат оставался абстрактной идеей — полезной в качестве конечной цели, но не такой важной, когда дело касается деталей⁴³. Кроме того, групповая мысль увеличила радикализм: «Когда действие становится групповой целью, каждый участник считает, что должен принять джихад как долг»⁴⁴. Исламские экстремисты использовали два оружия — *дава* (проповедь) и *джихад* (борьба). Причем именно общий контекст стал *давой*, а не наоборот.

Таким образом, ключевым стал общий контекст. Исторический контекст дал

⁴¹ Hemmingsen, *Attractions of Jihadism*, 14, 78, 106-7, 123.

⁴² de Poot and Sonnenschein. *Jihadi Terrorism in the Netherlands*, 22.

⁴³ *Ibid.*, 64.

⁴⁴ Mitchell D. Silber and Arvin Bhatt. *Radicalization in the West: The Homegrown Threat* (New York: New York City Police Department, 2007), 43.

смысл жизни. Контекст дал возможность стать героем. По словам Адама Гадаха, «Мы должны всегда помнить, что мы отличаемся от сионистов и крестоносцев, с которыми боремся. Мы не отшельники. Мы не воры. Мы не лицемеры. Мы не варвары. Мы не беспринципны и не наемники. Мы не враги свободы и цивилизации. Мы не трусы, которые воюют, управляя беспилотниками. Другими словами, все, чем являются наши враги, противоположно нам, и наоборот. Мы народ храбрости, чести, приличия, благородства и этики, народ, который самоотверженно жертвует собой ради самой важной цели, и именно поэтому каждый мусульманин и каждый моджахед должен следовать праведным путем и защитить те ценности, за которые мы так долго боролись и которые так трудно сохранить»⁴⁵.

Гнев и несправедливость

Хотя идеология и ее контркультура создали клей, который скрепляет группу, праведный гнев — это ключ, который заставляет группу действовать. Гнев часто рождается из чувства несправедливости. *Дава* создает гнев, а не просвещение. Немецкий джихадист и рекрут ИСД Эрик Брейнингер объяснил в своих мемуарах, что во время слушания *дава* его ненависть к неверным возрастала⁴⁶.

Такие чувства можно обнаружить в различных светских государствах. К примеру, в России в феврале 2011 года было обнародовано «Обращение к молодежи Идель-Урала», с которым обратился Ягафар Тангаури на сайте Кавказ-центра, призывая баш-

⁴⁵ Adam Gadahn. *A Call to Arms* (As-Sahab, 7 March 2010).

⁴⁶ Abdul Ghaffar El Almani [Eric Breininger]. *Mein Weg nach Jannah* (ElifMedya, posted online on 5 May 2010), 56.

кирскую и татарскую молодежь к джихаду⁴⁷. К этому времени сайт Кавказ-центра уже направил несколько обращений к Южно-Уральскому региону, особенно ориентируясь на Башкортостан и Татарстан, где был провозглашен Идель-Уральский Вилаят Кавказского эмирата⁴⁸. После некоторых обязательных слов о Боге и Пророке Мухаммеде Тангаури сказал своей аудитории, что в регионе «...Заводы и фабрики, которые не производят для нас ничего, кроме вони и радиации, принадлежат московским евреям-олигархам». И далее: «Тебя вынуждают ехать в Россию рабствовать»⁴⁹.

Тангаури далее призвал слушателей действовать: «Поэтому действие за тобой. Будешь ли ты униженно воспринимать действительность или сам будешь унижать неверующих и ставить истину на свое место. Возвращать награбленное. Подрывать их экономику в нашем крае. Не давать им вывозить нефть и газ, не давать перерабатывать его здесь и отравлять наши селения, не давать проводить ядерные взрывы под землей, не давать инкассаторам покоя передвигаться по нашим дорогам»⁵⁰.

«Сжигать их питейные заведения, бордели, в которых они развращают наших детей. Расстреливать предателей из нашего народа, оккупационных чиновников, продажных ментов, проституток на дорогах, преступников-беспредельщиков, убийц, маньяков которые не дают жить мирному народу. Нет больше представления о том, что милиция нас бережет. Нет же, она нас

стережет! Стережет от очередного восстания против Москвы и ее сатрапов»⁵¹.

«Им нужен управляемый хаос. Чтобы народ был пьяным и направлял свой гнев не туда, куда требуется. Из нас делают тупое стадо, чей Бог – это собственные страсти. Сегодня инициативная группа мусульман выходит сражаться против этих нелюдей. Твой выбор за тобой»⁵².

Тангаури закончил следующими словами: «Сказано в хадисах: Наилучшая жизнь того, кто крепко держится за узду коня и торопится туда, где слышит крик о помощи. Врываясь в гущу врагов, надеясь встретить своего Господа: И помни, как бы ты не хотел, ты никогда не станешь русским, пока ты еще помнишь имя Аллах: И в заключение, Хвала нашему Господу миров! Мир и благословение Пророку и всем тем, кто следует ему вплоть до Дня Воскресения!»⁵³

Таким образом, Тангаури совместил исламские идеи и сепаратистскую идеологию с призывом к действиям против финансовой системы и загрязняющей природу индустрии. Он в едином ключе использовал религию, национализм, охрану окружающей среды и анти-капитализм.

Действительно, де Поот и Сонненшейн, исследуя джихадистов в Нидерландах, обнаружили, что многие лица внутри этих группировок не имеют последовательных экстремистских взглядов, но разделяют соответствующие чувства. Почти все эти лица были людьми, не имеющими мусульманских корней, мусульманами второго поколения или мусульманами, которые недавно эмигрировали, а в родной стране прак-

⁴⁷ Kavkazcenter web site, 12 February 2011 (www.kavkazcenter.com).

⁴⁸ Kavkazcenter web site, 26 January 2011, 1 February 2011 (www.kavkazcenter.com).

⁴⁹ Kavkazcenter web site, 12 February 2011 (www.kavkazcenter.com).

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid.

тически не сталкивались с экстремистским влиянием⁵⁴.

Важность контекста была еще сильнее подчеркнута Оливьером Роем (Olivier Roy), который, исследуя индивидуальные биографии джихадистов – как западных, так и по всему миру – заметил, что главным достижением Аль-Кайды было не создание организации, а «создание контекста, с помощью которого повстанцы, не имевшие причин участвовать в движении, могли эту причину обрести». Идеология играла наименьшую роль в радикализации международного джихадистского молодежного движения, так как их «привлекала не идеология, а контекст»⁵⁵. Контекст, во-первых, строится на страданиях мусульман по всему миру. Истории этих страданий никогда не привязывались к конкретным случаям. Неважно, где была эта несправедливость – в Норвегии, в Кашмире или в Палестине, – мусульман представляли как постоянных жертв и притом как единое целое. По сути, все мусульмане – жертвы, всегда и везде. Во-вторых, контекст включал в себя героя, который мстит за страдания мусульман. Религиозная терминология используется для того, чтобы дать понять, что действовать – личная ответственность. Герой, жертвуя собой ради общества, искупает все свои грехи. Смерть героя, которую всегда сопровождало видео, завещание, и т. д., навсегда превращало его или ее в икону, и результатом становится всемирная слава. Неважно, как жил герой до совершения героического

акта, тем более если самопожертвование дало результат. В-третьих, возможно самым важным моментом в создании контекста для нерелигиозных западных мусульман и для других людей, для которых религия не важна, была идея того, что существует борьба не на жизнь, а на смерть против глобального порядка⁵⁶. Борьба, как объясняется, основана на том, что храбрые повстанцы должны бороться с давлением злого Запада на бедных (и вследствие этого более праведных) людей всего мира.

В самом деле, Рой посчитал более продуктивным рассматривать европейский джихадизм как молодежное движение, которое имело много общего с другими формами протеста. Интерес к внезапной суицидной агрессии можно сравнить с парадигмой случайных убийств в школах (синдром Колумбины, то есть убийство студентом своих одноклассников и учителей в своей школе, после чего он сам застреливается или его убивают). Убийства в школе и джихадисты имеют много общего, включая возможную историю наркомании, неудач в социальной жизни, создание идеи и истории через Интернет, снятие видео до совершения поступка, поиск славы и т. д.⁵⁷ Агрессия молодых джихадистов в Европе не зависит от исламских идей, а скорее, может быть сравнено с «общими проявлениями радикальной агрессии среди молодежи». Во-первых, Рой заметил, что большинство джихадистов – молодые люди, которые порвали с семьей. Во-вторых, они сами намеренно решили определить для себя свои жизненные принципы. Они отреклись от традиционного ислама и никогда не говорили о *фатави* традиционных священников. В-третьих, современный джихадистский дискурс был лишь транс-

⁵⁴ de Poot and Sonnenschein. Jihadi Terrorism in the Netherlands, 57.

⁵⁵ Olivier Roy. Al-Qaeda in the West as a Youth Movement: The Power of a Narrative; Michael Emerson (ed.). Ethno-Religious Conflict in Europe: Typologies of Radicalisation in Europe's Muslim Communities (Brussels: Centre for European Policy Studies, 2009), 11–26, on 12, 14.

⁵⁶ Ibid., 24–25.

⁵⁷ Ibid., 24.

формацией уже существовавшего, ультралевых анти-империализма в исламской оболочке. Джихадисты, как и экстремисты левого крыла, ненавидели США, империализм и глобализацию. В-четвертых, джихадистская радикализация тесно связана с мелкими преступлениями⁵⁸.

Значимость контекста была также подчеркнута Анн-Софией Хеммингсен (Ann-Sophie Hemmingsen) в исследовании исламских экстремистов и террористов в Дании, основанном на трех случаях терроризма в пяти судебных делах и интервью с самими террористами и их приверженцами, которые участвовали в актах в качестве наблюдателей⁵⁹. Контекст действительно привлекал как минимум один тип террористов – тех, которые имели жажду к действию. Для них действие превыше всего. Хеммингсен цитировала нескольких джихадистов, которые, хотя и заинтересованы в религиозном оправдании, не интересовались религиозными или идеологическими проблемами. Для них решение действовать пришло до всякой мысли о религиозном оправдании⁶⁰. Многие были людьми достаточно целеустремленными, и можно предположить, что лица, дошедшие до Афганистана и других конфликтных зон, были направлены желанием, которое может быть удовлетворено только действием.

Джихадисты, ориентированные на действия, часто радикализировались в тренажерных залах и клубах единоборств. Молодой бельгиец чеченского происхождения Лорс Дукаев, который в 2010 году в Копенгагене взорвал случайно в отеле бомбу, предназначенную для газетных офисов *Jyllands-Posten*, приобрел радикальные взгляды

⁵⁸ Ibid., 21–23.

⁵⁹ Hemmingsen. Attractions of Jihadism.

⁶⁰ Ibid., 107, 108–109, 233.

в клубах по боксу или занимаясь единоборствами⁶¹. Тоже можно сказать и о некоторых лицах, участвующих в лондонских транспортных террористских актах 2005 года. Некоторые из них вместе занимались каратэ и ходили в тренажерный зал⁶². Единоборства и спорт уже давно связаны с процессом радикализации. Среднеазиатские экстремисты конца 80-х и начала 90-х, которые потом стали ранними членами ИДУ в Узбекистане, вместе практиковались в единоборствах⁶³. Им не нужна была религия или идеология. Только действие. Религиозные споры и образование были не важны для многих участников джихадистской борьбы⁶⁴.

Женщины также становились джихадистами. Они часто определяли мотивацию своих мужчин, толкая их на действия. Некоторые стали идеологами и проповедовали вооруженный джихад в различных интернет-форумах⁶⁵.

Деятели центровые и деятели ведомые

У террористов бывают разные жизненные истории, биографии и мотивы. Нет единого правильного портрета терро-

⁶¹ BT. 15 September 2010, 21 September 2010 (www.bt.dk).

⁶² Rachel Briggs, Jennifer Cole, Margaret Gilmore, and Valentina Soria. Anatomy of a Terrorist Attack: What the Coroner's Inquests Revealed about the London Bombings (London: Royal United Services Institute, Occasional Paper, 2011), 10.

⁶³ Fredholm. Islamic Extremism as a Political Force in Central Asia: A Comparative Study, 12. Интересно, что радикальные узбекские проповедники, такие как Обидхон Кори Назаров (р. 1958) на видео, доступных через YouTube, заявил, что мусульмане не должны заниматься кик-боксингом, если только это не помогает исламу. Назаров разыскивается в Узбекистане за преступления, связанные с терроризмом. (Interpol web site, www.interpol.int.)

⁶⁴ Sageman. Leaderless Jihad, 157.

⁶⁵ Ibid., 112.

риста, когда дело касается исламских экстремистов. Но, судя по работам де Поот и Сонненшейн, джихадистских террористов в нерелигиозном западном обществе можно разделить на две основные категории: деятели ведущие⁶⁶ и те, кого можно назвать «ведомыми» – местные обращенные мусульмане с небольшим религиозным прошлым и обращенные, которые, в отличие от других, строят мировоззрение на местных событиях и впечатлениях. Центровые деятели – это, как правило, эмигранты из исламских регионов – Северной Африки, Среднего Востока, Восточной Африки и Южной и Средней Азии. У них обычно есть истории, связанные с исламской активностью, и есть контакты с экстремистскими организациями. У некоторых был опыт вооруженного джихада. Эти качества дали им престиж и доверие желающих стать джихадистами. Им также помогает арабский язык, язык Бога, как считают мусульмане, который за пределами Среднего Востока и Северной Африки мало кто знает⁶⁷. Среди некоторых мусульман других регионов знание арабского считалось связью с Богом. Один исламист так говорил о лондонском экстремистском лидере Омара Багри: «В основном британские мусульмане второго поколения восхищались “Тоттенхейм Аятоллоу”, его мастерским владением арабским языком, его частые и подходящие цитаты из Корана и других источников зачаровали нас, впечатли-

⁶⁶ Автор использует термин «heartland» в значении территорий центральных, важнейших (а не в значении, которое в свое время ему придал МакКиндер), и, следуя ему, мы будем пользоваться словом «ведущие», которое в соотношении с «ведомыми» наиболее точно передает мысль автора. – Прим. переводчика.

⁶⁷ de Poot and Sonnenschein. *Jihadi Terrorism in the Netherlands*, 43–45, 81.

тельных британских мусульман»⁶⁸. Многие были готовы выразить преданность любому человеку, знающему арабский и выставляющему себя полноправным голосом ислама⁶⁹. Важно и то, что мусульмане, не говорящие по-арабски, не могли сами проверить цитаты из Корана, когда экстремистские проповедники оправдывали с его помощью вооруженный джихад, и, как следствие, обращать их было много проще.

Прибытие харизматического центрального деятеля могло быстро радикализовать индифферентную группу слушателей. Новый лидер действовал как катализатор, побуждая других к действиям⁷⁰. Наличие ключевых джихадистских лидеров с признанной религиозной и идеологической репутацией (их еще называют «духовными целителями»⁷¹), и особенно с боевым опытом, был также важен для становления террористических группировок. Не особенно религиозные джихадисты не нуждались в одобрении религиозного авторитета для того, чтобы действовать, но любой деятель, который имел тесные связи с глобальным джихадом, всегда служил примером для остальных⁷². Джихадистские лидеры не всегда участвовали в операциях; идеологи и проповедники служили важную роль, поскольку обладали способностью оправдать любые действия. Реальные лидеры и места встреч были необходимы, так как с их помощью, рекруты-джихадисты могли найти жилье, документы и последователей. В то же время, некоторые присоединялись потому, что в группах были

⁶⁸ Husain. *The Islamist*, 82.

⁶⁹ Sageman. *Leaderless Jihad*, 80.

⁷⁰ de Poot and Sonnenschein, *Jihadi Terrorism in the Netherlands*, 82–83.

⁷¹ Silber and Bhatt. *Radicalization in the West*, 38.

⁷² Sageman. *Leaderless Jihad*, 79.

люди, которые могли обеспечить различные услуги и социальную выгоду⁷³. Для некоторых джихадизм был не только жизненным путем, но и бизнесом. Для будущих террористов были необходимы поддельные документы. Перемещение в безопасные зоны и такие, как Пакистан или гостеприимные, но наивные страны в Европе, породило высокоспециализированный бизнес. Желающие стать террористами платили таким людям за особые возможности, а эти люди оперировали в качестве тайных турагентов, организуя все – от перелетов до жилья⁷⁴.

Категории ведомости

Опираясь на известные примеры, можно выделить четыре больших и вполне заметных категорий людей в западном нерелигиозном мире, из которых выходят террористы. Это нелегальные эмигранты, наркоманы и люди с криминальным прошлым, люди с проблемами экзистенциальными и проблемами самоопределения, идеалисты и политические активисты⁷⁵.

Не все, и легко предположить – даже не большинство нелегальных иммигрантов, хотели стать террористами или были подвержены террористической пропаганде. Но при этом им нужен определенный жизненный минимум, включая жилье (будь то у кого то дома, в мечети или в другом общественном приюте), работа, поддельные документы, чтобы легализовать прибытие в страну, социальная опека. С личной точки зрения, им также нужно уважение и чувство достоинства, социальный статус и цель в жизни. В случае судебного разбирательства

им нужны те, кто сможет поддержать их в суде⁷⁶. Террористические группировки могли все это обеспечить.

Бывшие и настоящие наркоманы и люди с криминальным прошлым иногда достигали такого момента, когда они осознавали, что необходимо новое направление в жизни, что надо перестать жить так, как они живут, и отречься от греха. И здесь исламский экстремизм предлагал идеологию, благодаря которой человек становился безупречным в глазах Бога⁷⁷. Кроме того, бывшие преступники часто имели навыки, которые были полезны террористам. Обе стороны выигрывают. Экстремистские группировки давно ищут рекрутов в тюрьмах, и в частности на Западе, в исправительных колониях и даже лагерях для беженцев⁷⁸.

Люди с вопросами искали социальные связи и цель в жизни. Они могли обе эти вещи найти в террористической группировке. Они искали освобождение от проблем и чувство безопасности. Исламский экстремизм – идея, которая могла уменьшить неопределенность их жизни и к которой они могли присоединиться интеллектуально и социально⁷⁹.

Идеалисты и политические активисты живут контркультурой и социальной несправедливостью. Их главный мотив – это

⁷³ de Poot and Sonnenschein, *Jihadi Terrorism in the Netherlands*, 16, 152.

⁷⁴ See, e.g., *Ibid.*, 18.

⁷⁵ *Ibid.*, 18–19.

⁷⁶ *Ibid.*, 18–19, 136–137; Hemmingsen. *Attractions of Jihadism*, 75, 93.

⁷⁷ de Poot and Sonnenschein. *Jihadi Terrorism in the Netherlands*, 19, 137–139.

⁷⁸ Silber and Bhatt. *Radicalization in the West*, 39; Peter R. Neumann and Brooke Rogers. *Recruitment and Mobilisation for the Islamist Militant Movement in Europe* (London: King's College, 2007), 39–44; de Poot and Sonnenschein. *Jihadi Terrorism in the Netherlands*, 96, 124–125; Fredholm. *Islamic Extremism as a Political Force in Central Asia: A Comparative Study*, 38.

⁷⁹ de Poot and Sonnenschein. *Jihadi Terrorism in the Netherlands*, 19, 139–140.

чувство сильного и настоящего возмущения по поводу политической, геополитической, экономической, культурной и военной несправедливости и неравенства в мире. Для них в мире существуют лишь два типа людей – обидчики и жертвы. Хотя, как было отмечено, этот взгляд основан на косвенном восприятии, а не на личном опыте⁸⁰. Терроризм мог легко стать тем идеалом, который они искали.

Особая ситуация с обращенными

В Европе и в значительной части западного мира ислам – быстрорастущая религия. Рост вызван не только эмиграцией и повышенной рождаемостью, но и путем обращения. Хотя обращенные составляют малую долю мусульманского населения, они играют активную роль в пропаганде проблем ислама, так же как и заново рожденные мусульмане – те, которые раньше не верили, а теперь обрели веру. Обращенные и заново рожденные мусульмане в первом десятилетии XXI века играют важную роль в религиозно-мотивированном терроризме. Они даже часто являются самыми яркими членами группировок, так как ощущают нужду в доказательстве своей религиозной преданности для себя и своих соратников⁸¹.

Западные европейцы начали обращаться в ислам с 1960-х годов. Как раз в это время мусульмане начали эмигрировать в западную Европу. В это же время появились новые протесты и контркультурные движения на Западе. Брак часто вел к обращению в веру немусульманина. Но главное в том,

что люди, вовлеченные в контркультуру, видели ислам как альтернативу материалистичной западной культуре.

Эта тенденция стала еще сильнее развиваться после Холодной войны. Когда марксизм был дискредитирован своими провалами в таких странах, как Советский Союз и Камбоджа, ислам стал новой идеологией для повстанцев. Многие левые обратились к исламу в поисках новой истины. Они нашли новую идентичность и приняли новую веру, проповедуемую экстремистами, как обращенные по всему миру, – с огромным энтузиазмом и преданностью своим лидерам⁸².

Многие обращенные не видели разницы между идеологической и религиозной верой. Как сказал один радикал: «Я был свидетелем как минимум четырех обращений в ислам в разных университетских кампусах, и обращенные были уверены в превосход-

⁸⁰ Не все эти бывшие левые стали экстремистами, но многие стали. Обращенные левые: французский философ Роже Гароди, который обратился в ислам уже в 1982-м и в 1995/1996 опубликовал книгу об Израиле, из-за которой он получил срок за отрицание Холокоста (*Le Figaro*, 28 February 1998); американский журналист Стивен Шварц, который поддерживал умеренный ислам и твердо противостоял ваххабизму и экстремизму; британская журналистка и борец за гражданские права Ивонн Ридли, которая периодически прокликает западный мир и его войны в Афганистане и других мусульманских странах (ее личный веб-сайт: <http://yvonneridley.org>); венесуэльский коммунист и террорист Ильич Рамирес Санчес (известный как Карлос Шакал), который в 2001 году обратился в ислам и призвал к поддержке Усамы бен Ладена и того, что он называл революционным исламом; и многочисленные юные европейцы, которые до своего обращения исповедовали левые взгляды. О последних см.: e.g., Malene Grøndahl; Torben Rugberg Rasmussen; and Kirstine Sinclair, *Hizb ut-Tahrir i Danmark: Farlig fundamentalisme eller uskyldigt ungdomsoprør?* («Hizb ut-Tahrir in Denmark: Dangerous fundamentalism or innocent youth revolt?»); Aarhus, Jutland: Aarhus universitetsforlag, 2003), 31–32.

⁸⁰ Ibid., 19, 22, 140–142.

⁸¹ Silber and Bhatt. *Radicalization in the West*, 29. See also Emmanuel Karagiannis. «Islamic Activism in Europe: The Role of Converts», *CTC Sentinel* 4: 8 (August 2011), 16–19; Sajjan M. Gohel. «Germany Increasingly a Center for Terrorism in Europe», *CTC Sentinel* 4: 8 (August 2011), 12–15.

стве “исламской политической идеологии” как альтернативы капитализму, но не имели представления о религиозной стороне. Спустя три недели они уже проповедовали другим о необходимости исламского Халифата, о роли будущей мусульманской армии и об обязанностях граждан в будущем исламском государстве»⁸³.

Знаки и пророчества

Другие обращенные уверились в правдивости их новой веры благодаря малоизученному феномену – устной традиции знаков и пророчеств среди современных исламских экстремистов.

Так, к примеру, немецкий обращенный Ерик Брейнингер объясняет превосходство Корана (и, соответственно, ислама) путем наличия в нем очевидного сверхъестественного знания (три стиха, в которых книга предсказала научные прорывы). Брейнингер и, по-видимому, тот, кто ему проповедовал, считали это доказательство убедительным⁸⁴.

Контекст знаков и пророчеств включал в себя широко распространенную веру в приближение Судного дня и в то, что его признаки видны лишь праведным. Бывший заключенный тюрьмы Гуантанамо Слиман Хадж Абдеррахман объяснил это так: «Пророк сказал, что некоторые знаки – это пакущие коров, у которых нет вкуса и которые строят высокие здания. Мы это видим на примере ковбоев США – они строят небоскрёбы. Большинство европейцев также согласятся с тем, что у американцев нет вкуса»⁸⁵.

⁸³ Husain. *The Islamist*, 146.

⁸⁴ Abdul Ghaffar El Almani [Eric Breininger]. *Mein Weg nach Jannah*, 36–37.

⁸⁵ Hemmingsen. *Attractions of Jihadism*, 158; citing and translating Davidsen-Nielsen and Seidelin,

Вера в мистические знаки подобного рода распространена среди джихадистов. Хотя на эту тему говорили нечасто, потому что знания о подобных феноменах передавались устно и ограничивались исключительно экстремистской контркультурой, это была ключевая часть мощного джихадистского контекста. Способность видеть, слышать и понимать то, что другие не могут, создавало ощущение принадлежности к избранным, лучшим, чем другие. Это был патент благородства, а также обязательство распространять веру через *дава*, то есть обращая других в ислам. Джихадисты не только избранные, несущие особую миссию, они относятся к тем, кто будет спасен в Судный день, и обладают способностью спасти других⁸⁶. Джихадисты считали себя братством избранных, по словам Завахири, – даже избранным рыцарским орденом⁸⁷. И снова мы можем обратиться к словам британского мусульманина: «Теперь я был не просто мусульманином, как остальные, я был лучше, превосходнее»⁸⁸. Легенды и стихи Корана постоянно интерпретировались по-новому, через *иджтихад*, чтобы доказать, что предсказания Корана были истинными. Один джихадист отметил, что «каждый раз, когда происходит землетрясение, можно измерить его по шкале Рихтера и в сурах посмотреть стих с этой цифрой. Он предскажет землетрясения»⁸⁹.

Еще один джихадист отметил, что в событиях, приближающих Судный день,

Danskeren på Guantánamo, 49–50.

⁸⁶ Hemmingsen. *Attractions of Jihadism*, 187, 199.

⁸⁷ Ayman al-Zawahiri. *Knights under the Prophet's Banner* (excerpts published in *Al-Sharq al-Awsat* (London), 2–12 December 2001).

⁸⁸ Husain. *The Islamist*, 36.

⁸⁹ Hemmingsen. *Attractions of Jihadism*, 187.

выживет только один неверный, чтобы рассказать всему остальному миру о произошедшем. Этот джихадист объяснил, что «во время, когда писались предсказания, было невозможно представить, что один человек расскажет всему миру что-либо, но сейчас это вполне реально благодаря Интернету». Таким образом, предсказание правдиво, потому что никто в то время, когда оно писалось, не мог знать о том, что будет. Знаки и предсказания не всегда даже имели исламское происхождение. Один джихадист, с которым беседовал Хеммингсен, всегда носил с собой книгу предсказаний Нострадамуса, он считал, что эта книга предсказывает страшный конфликт между неверными Востока и Запада, после чего мусульмане захватят мир⁹⁰.

Использование неисламских источников пророчеств и просвещения не было проблемой для джихадистов, так как через *иджитihad*, все что им казалось правильным, являлось волей Бога. К примеру, известный чеченский джихадистский лидер Шамиль Басаев (1965–2006) в своей «Книге Моджахеда» объяснял свой текст следующим образом: «В конце марта прошлого года у меня было две свободных недели, тогда я достал книгу Пауло Коэльо «Моджахед света: самоучитель» и компьютер. Я хотел принести пользу муджахедам (борцам сопротивления) благодаря этой книге и поэтому я переписал её заново почти целиком, убрал несколько частей и все усилил стихами (айатами), хадисами и историями из жизни учеников»⁹¹. Но Пауло Коэльо был не мусульманином, а бразильским автором романов-бестселлеров, и в названии его книги, написанной в 1997 году,

стоял не «моджахед», а «воин» света. Сам Коэльо не стеснялся цитировать популярные восточные традиции пророчеств и философии, включая китайскую книгу «И-Цзин»⁹². То же сделал и Шамиль Басаев, когда копировал понравившиеся главы книги Коэльо, включая в него текст об «И-Цзин»⁹³.

Контекст избранного братства со специальной миссией для подготовки к Судному дню, хотя и отличался от контекста, в котором живут угнетаемые во всем мире мусульмане, был на удивление распространён среди джихадистов вне зависимости от географии и жизненных целей. Слиман Хадж Абдеррахман, датский джихадист алжирского происхождения, верил в этот контекст. Так же мыслил Ерик Брейнингер, немецкий обращенный, который оказался в Пакистане с узбекским ИДУ⁹⁴. Другие также намекали на эту мысль в речах и на видео, но не в полной мере⁹⁵.

Контекст знаков и пророчеств также включал в себя интерес ко снам и важности их интерпретации джихадистами. Исламские экстремисты часто интерпретировали сны в качестве оправдания джихада или одобрения запланированных действий. Такие сны, особенно если они

⁹² Paulo Coelho. *Manual of the Warrior of Light* (New Delhi: HarperCollins, 2010), 19.

⁹³ Abdallah Shamil Abu Idris (Shamil Basaev). *Book of a Mujahiddeen*, ch. 9. В Федеральном списке экстремистских материалов эта книга включена также под названием «Один в поле воин» (книга для муджахеда) под редакцией Амира Абдуллагья Шамиль Абу Идриса. (См: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok/>).

⁹⁴ Hemmingsen, *Attractions of Jihadism*, 205–206 with references.

⁹⁵ См., напр., al-Zawahiri, *Knights under the Prophet's Banner*; который уже своим названием говорит об избранном братстве.

⁹⁰ Ibid., 179–180.

⁹¹ Abdallah Shamil Abu Idris (Shamil Basaev). *Book of a Mujahiddeen* (np: Kavkazcenter, 2004), 1.

включали пророка Мухаммеда, считались обязательным приказом к действиям. После такого сна верующий должен доводить дело до конца⁹⁶.

Зияние, которое нужно наполнить

Исследуя мировоззрение современного джихадиста, можно сделать по крайней мере два вывода. Во-первых, по поводу вопроса – могут ли юные джихадисты быть дерадикализованы путем программ дерадикализации – вывод пессимистичен. Поскольку на действия их толкнула не идеология и не религия, то программы, в которых обсуждаются эти темы, не помогут. Помимо этого, уже было сказано, что очень сложно отвлечь молодых людей от актов агрессии, если они уже совершали подобные действия⁹⁷.

⁹⁶ Про сны см., напр., Abdul Ghaffar El Almani [Eric Breininger]. *Mein Weg nach Jannah*, 98, 101–102. Usamah bin Ladin на видео в конце 2001 года заметил, что он проклял сообщение о снах, в которых самолет врезался в здания, как бы предсказывая грядущие атаки 11 сентября 2001 года (video transcript and annotations prepared by George Michael, translator, Diplomatic Language Services; and Dr. Kassem M. Wahba, Arabic language program co-ordinator, School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, 13 December 2001). Захария Муссауи (Zacarias Moussaoui) (который планировал принять участие в атаках) в 2000 году говорил о том, что видел во сне, как самолет врезался в Белый Дом (UPI, 9 March 2006). Британский террорист Ричард Рейд (один из тех, кто пытался пронести бомбу на самолет в ботинке) также видел важные сны о вооруженном джихаде, как и некоторые другие джихадисты. Canadian Security Intelligence Service (CSIS). *The Role of Dreams in the Justification of Jihad* (CSIS Intelligence Assessment IA 2009–2010/83, 22 March 2010); released under the provisions of the Privacy Act and/or Access to Information Act and published by the National Post (Canada; www.nationalpost.com).

⁹⁷ Roy, «Al-Qaeda in the West as a Youth Movement», 25.

Возможно, лучший способ бороться с проблемой – преследовать их за любые преступления и относиться к ним как к преступникам, а не как к героям, и игнорировать любые их речи об идеологии. Давать джихадистам желанную славу, подстрекая их на новые действия, называя их террористами в СМИ и принимая более жесткие меры для борьбы с проблемой – это не решение. Вместо этого, по словам одной известной песни, дать им «пройти, и быть забытыми с остальными»⁹⁸.

Однако понимание важности контекста для джихадиста может подсказать более конструктивное решение проблемы. Борьба с джихадистским терроризмом не должна называться борьбой между религиями, не говоря уже о цивилизациях. Многие пытались бороться с джихадизмом, используя религиозные аргументы. Это принесло крайне незначительный, если вообще какой-то результат. Ведь очень сложно или вообще невозможно спорить с религиозной верой или подобной идеологией, или другой формой личной веры, не отчуждая её сторонников. Бороться с контекстом легче. Создатели рекламы и пиарщики делают это постоянно. Если молодые экстремисты желают вдохновляющих контекстов и действий, то должна быть дана позитивная модель, которая включает в себя действие и героизм, но не терроризм. Скажем, новая, ориентированная на действия, международная миротворческая организация, чья цель состоит в спасении людей при катастрофах и природных бедствиях? Если такой организации дать мандат на действия, она могла бы действительно стать домом для героев.

⁹⁸ Thomas «Tom» Lehrer (b. 1928), «Bright College Days».